

nicht? Kommoder? <...> Kommod! Hm? – Ihm war die Mentalität der Leute hier noch ziemlich fremd, er konnte das alles nur schätzen, was da ablief, aber noch nicht einschätzen.

В языковом пространстве Баварии прилагательное *kommod* является диалектным синонимом прилагательных *bequem, angenehm*. В приведенном выше диалоге подчеркивается, что употребление данного слова применительно к условиям труда кажется необычным собеседнику, который плохо знаком с тонкостями баварского диалекта, и ассоциируется у него со спецификой менталитета местных жителей.

Подводя итог, отметим, что при проекции региональной языковой картины мира в художественном тексте существенную роль играет то, насколько глубоко эта картина укоренена в сознании автора, поскольку автор, так или иначе, вносит в текст произведения свое видение мира и собственное мироощущение. В анализируемом случае важно, что автор сам является уроженцем и жителем Баварии, носителем баварского мироощущения и, соответственно, баварского варианта немецкого языка. Принадлежность автора к данной культурной парадигме обуславливает где-то намеренное, а где-то непроизвольное проецирование в тексте именно тех фрагментов языковой картины мира, которые отражают особенности языкового и культурного сознания баварцев.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 396–405.
3. Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира / Арзамас. гос. пед. ин-т. Арзамас, 2007. 394 с.
4. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3–16.

УДК 811.112.2

*С. С. Субботенко (Курск, Россия)
Курский государственный университет*

Стилистические средства создания образа России и СССР в современном немецком художественном тексте (на материале романа М. Зенкеля «Темные числа»)

Статья выполнена на стыке проблем языкознания, литературоведения и межкультурной коммуникации. В статье анализируется художественное произведение с точки зрения выбора

стилистических средств с целью создания у читателя определенного образа. Отмечается важность обращения к внешним источникам информации для успешного понимания образа.

Ключевые слова: художественный текст, стилистические средства, реалии, аллюзии, стереотипы, интертекстуальность

Тема России и русских всегда интересовала и до сих пор продолжает интересовать немецких авторов. В Германии публикуются художественные произведения, где речь идет о событиях в России, где действующими лицами являются русские или где, так или иначе, упоминаются общие для истории России и Германии моменты. В процессе написания художественного произведения создаются образы, на основе которых у читателя складывается представление об объекте повествования. Если объектом повествования становятся иная страна и иная культура, то автор вынужден прибегать к определенным стилистическим средствам, которые и позволяют сформировать у читателя картину, отражающую в том числе авторские впечатления.

Целью статьи является анализ выбора стилистических средств, которые служат для создания образа СССР и России в художественном тексте. Актуальность данной темы обусловлена не только важностью комплексного изучения культурно-маркированных единиц в контексте художественного произведения, но и необходимостью раскрытия культурных связей России и Германии, которые в данный момент подвергаются проверке на прочность. Понимание причин возникновения положительных и отрицательных стереотипов способствует успешному построению межкультурной коммуникации.

В качестве материала исследования выступает роман М. Зенкеля «Темные числа», опубликованный в Германии в 2018 году. Действие романа происходит большей частью в СССР и частично – в дореволюционной и постсоветской России. Художественный замысел состоит в том, что роман якобы сгенерирован некой фантастической литературной машиной на русском языке, а автор (М. Зенкель) позиционирует себя лишь в качестве переводчика.

На первом месте среди стилистических средств создания образа СССР в романе следует назвать реалии советской жизни. Подчеркнем, что реалии в данном случае понимаются не только как безэквивалентная лексика, но и с позиции страноведения, что включает в себя «события общественной и культурной жизни страны, общественные организации и учреждения, обычаи и традиции, предметы обихода, имена исторических личностей и так далее, а также множество разрозненных фактов, не поддающихся классификации» [2, с. 98]. В результате анализа соответствующих лексических единиц в тексте можно выделить следующие группы реалий:

– транскрибированные названия средств массовой информации: *Iswestija*, *Sowjetski Sport*, *Krokodil*;

– наименования географических объектов: речь здесь идет не о названиях крупных городов и населенных пунктов, а скорее о малоизвестных топонимах, которые помогают глубже окунуться в описываемую атмосферу: *Gorkistraße, Gorki-Park; Leninberge, Borowizki-Hügel, Krylow-Denkmal an den Patriarchenteich; Kinderpark Dserschinski;*

– названия различных учреждений и заведений: *die WDNCh; Café Jablotschko, Freibad Moskwa; Mossowjet-Gebäude;*

– сокращенные формы имен или указание имени и отчества: *Afonja, Motja, Grafa; Ljubow Andrejewna;*

– наименования предметов, элементов быта, явлений (используется как транскрипция, так и перевод): *Kommunalka; Kaufmannssamowar; die Große Sowjetische Enzyklopädie, Perestroika.*

Особое место занимают реалии-жаргонизмы, употреблявшиеся в определенных сферах и не всегда понятные широкому кругу лиц. Подобные лексические единицы не только демонстрируют знание автором деталей языка СССР, но и являются вызовом читателю, который, чтобы разобраться в тексте, вынужден детально вникать в тонкости атмосферы эпохи. В качестве примеров назовем следующие реалии-жаргонизмы:

– *Im Rückspiegel hatte der Dewjatki gute Sicht auf sein Schutzsubjekt: Juri Alexejewitsch Gagarin.* – «Девяткой» называли 9-е Управление КГБ, обеспечивавшее безопасность высокопоставленных лиц; в данном случае имеет место метонимический перенос – автор именует «девятками» сотрудников Управления;

– *Wo war sie denn, deine KLM-Reihe? Denen ist der Puck am Ende wohl zu schwer geworden? – Ach? Wann bitte mussten wir uns das letzte Mal mit einer Bronzemedaille zufriedengeben?* – Под «звеном КЛМ» или «тройкой КЛМ» понимали хоккеистов Крутова, Ларионова и Макарова. Этот жаргонизм был известен в среде любителей спорта в СССР. Стоит упомянуть, что в этом случае автор в главе с примечаниями дает расшифровку аббревиатуры, но не поясняет, что она означает, оставляя это как загадку для читателя.

Следует отметить высокую степень интертекстуальности анализируемого текста, проявлением чего являются разного рода аллюзии. Аллюзия представляет собой «непрямую ссылку на какой-либо исторический или литературный факт, вкрапление в речь цитат из литературных произведений. Данный стилистический прием предполагает знание читающим культуры, в противном случае смысл, заложенный автором, теряется» [1, с. 69-70]. В рамках рассматриваемой темы важно, что аллюзии являются отсылками к историческим, фольклорным, литературным и другим фактам русской и советской действительности, которые далеко не всегда известны немецкому читателю. Более того, не все отсылки могут стать узнаваемыми при переводе романа на русский язык. В связи с этим носитель другого языка и другой культуры тем более вынужден

глубже погружаться в текст, чтобы выявить и правильно истолковать аллюзию. Рассмотрим, какие типы аллюзий встречаются в анализируемом произведении.

– Историческая аллюзия: *Jelisarow nickte ihr dankbar zu und gab zu Protokoll, er fühle sich an den tapferen Heldenpionier № 001 erinnert.* – Пионером-героем № 1 в СССР считался Павлик Морозов. В эпизоде девочка подросткового возраста пытается обвинить соседа по коммуналке в хулиганском поступке, за что и удостоивается – на тот момент без иронии (действие происходит в 1938 году) – лестной характеристики от другого соседа;

– фольклорная аллюзия: *Teurer Muschkote, lass mich frei, und ich werde dir drei Dienste erweisen!*« <...> »*Musst bloß sagen: Auf des Hechtes Geheiß, nach meinem Willen sei's, und schon...* – Герой данного эпизода сталкивается на рыбалке с говорящей щукой, которая обещает исполнить три желания, если он ее выпустит и произнесет известное заклинание «По щучьему веленью...». Подсказкой для немецкого читателя в данном случае является упоминание в том же эпизоде советского филолога и фольклориста В. Я. Проппа, что может направить мысль читателя в нужном направлении и помочь узнать и объяснить аллюзию;

– литературная аллюзия: *«Ah, la bonne blague», erwiderte Sorokin. «Stehen Sie erst in Positur, perforiere ich Ihnen die Figur!»* – Действующим лицом этого эпизода является А. С. Пушкин. В споре с товарищем возникает вопрос о дуэли, и товарищ обращается к Пушкину фразой, которая русскому читателю известна как эпитафия к четвертой главе повести «Капитанская дочка»: «Ин изволь, и стань же в позитуру. Посмотришь, проколю как я твою фигуру!» Сам эпитафия заимствован из пьесы Я. Б. Княжнина «Чудаки», известной во времена Пушкина. Данная аллюзия является узнаваемой для читателей, знакомых с переводом повести;

– киноаллюзия: *«Kellerassel, Fliegendreck – was mich ärgert, das muss weg», schrie sie den Abfangjägern hinterher und: «Drei hoch zwei plus Wurzel vier, ich verwandle euch in Federgetier!»* – Героиня использует прямую цитату из перевода киносказки А. А. Роу «Золотые рога». Это заклинание, которым пользуется Баба-Яга для превращения. Примечательно, что в оригинале заклинание сильно отличается от перевода как лексически, так и ритмически (ср.: «Жакшой, Шакшай, Бабу-Ягу выручай! Дерзких девчонок накажи, в тварь лесную оберни. Дашку в лань, и Машку в лань»), что создает трудности уже при распознавании и обратной передаче аллюзии на русский язык.

Большое значение в создании образа страны посредством художественного произведения имеет стереотипизация. «Литература играет важную роль в формировании стереотипов, так как ее влияние зачастую оказывается имплицитным, и читатели (зрители) бессознательно “впитывают” именно те представления, которые до них доносит автор. При этом необходимо отметить, что в данной ситуации мы имеем дело с субъективной оценкой автора, потому что в произведениях всегда отражается ему лично присущее видение мира, в значи-

тельной степени обусловленное его собственной индивидуальной жизнью, творческим воображением, вполне конкретным, присущим лично ему талантом» [4, с. 10–11].

Стереотипы, которые складываются о той или иной стране в сознании другого народа, представляют собой «схематизированный образ своей или чужой этнической общности, который отражает упрощенное (иногда одностороннее или неточное, искаженное) знание о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа и на основе которого складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе» [3, с. 133].

В анализируемом произведении автор прибегает к использованию двух весьма распространенных стереотипов о России и СССР: холод и тотальный контроль, осуществляемый спецслужбами.

Для раскрытия первого стереотипа в повествование вводятся события, которые происходят на территории Сибири. В языковом плане стереотип выражается в использовании композитов с компонентами *Schnee* и *Frost* (*Schneekoller*, *Schneevorhang*, *Schneesicht*, *schneegebeugte Fichten*, *Schneewehen*, *Frosteskälte*, *Frostschutzmittel*, *Frostschutzglyzerin*), в упоминаниях Сибири и сибирских городов, в афоризмах о холоде, которые действующие лица используют, говоря о своей стране (*In einem Land, in dem Hunger und Kälte sich reimen, heißt es gastfreundlich sein*).

Стереотип о тотальном контроле реализуется за счет прямых и косвенных отсылок. Примером прямой отсылки может служить следующий фрагмент:

*Auf der abgeriegelten Etage des Kosmos trat die Nachtschicht ihren Dienst an – setzte das Werk der abgelösten Abhörtechniker fort: **aufzeichnen, aufzeichnen, aufzeichnen** und allzeit aufmerksam auf Auffälligkeiten **achten**, um eine Vorauswahl für die Transkription zu **treffen** oder Bandmarken für die Nachprüfung zu **setzen** oder die Aktivitäten einzelner Zielpersonen zu **protokollieren**.*

В приведенном примере обращают на себя внимание повторы и глагольные перечисления, за счет которых повышается градус эмоциональности и происходит усиление смысла.

Косвенные отсылки заключаются в упоминании знаковых имен собственных (ср. *In der Mitte des **Lubjanka-Platzes** stand der **Eiserne Felix** und blickte von seinem Sockel finster gen Westen*) и использовании тематической лексики (*LON-101*, *Festnahme*, *Überwachungswagen*, *Überwachungsgruppe № 6* и др.). При этом стоит отметить, что значительная часть используемых в произведении стереотипов строится не на фактах, а на мифах, которые зачастую возникают и распространяются внутри самой России. Помимо этого автор часто прибегает к приему гиперболы, за счет чего создается некая ирония, как, например, в одной из сюжетных линий, когда все, с кем так или иначе сталкивается в СССР французский шпион, оказываются работниками спецслужб.

Подводя итог, отметим, что используемые автором для создания образа России и СССР стилистические приемы требуют от читателя эрудированности, умения и готовности распознавать интертекстуальные ссылки, находить дополнительную информацию. При этом нельзя не отметить, что автор не ориентирован на создание негативного образа, а старается представить разные стороны жизни в России и СССР.

Литература

1. Борунов А. Б. Стилистические функции аллюзивных репрезентантов в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3 ч. Ч. 3. С. 69–71.
2. Вайсбурд М. Л. Реалии как элемент страноведения // Русский язык за рубежом. 1972. № 3. С. 98–100.
3. Крысько В. Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2002. 320 с.
4. Решетняк А. В. Способы языкового выражения образов России и русских (на материале пьес Тома Стоппарда): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2012. 24 с.

УДК 811.133.1

*А. В. Темнохуд (Минск, Республика Беларусь)
Белорусский государственный экономический университет*

Алфавитная рифма как разновидность языковой игры (на материале современного французского языка)

Несмотря на то что алфавитная рифма как одна из форм языковой игры – понятие не новое, специфика данного игрового приема объясняет его актуальность как объекта исследования для современной лингвистической науки. Статья посвящена анализу *алфавитной рифмы* как разновидности языковой игры, используемой в поэтической форме, на материале современного французского языка.

Ключевые слова: игра, языковая игра, алфавитная рифма, александрийский стих, поэтическая форма

В жизни человека игра занимает особое место. Прежде всего это естественное проявление природного инстинкта человека – его потребность к самовыражению [4].

Принимая во внимание тот факт, что наряду с физически-двигательной (*gestuelle*) игра есть и умственная (*intellectuelle*) активность / деятельность человека, следует признать: наиболее эффективно интеллектуальная направленность раскрывается в языковой игре.